Легкое цунами времени

Любовь Борисовна Овсянникова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Неожиданный звонок возвращает женщину, давно отошедшую от активной деятельности, к общению со старыми знакомыми, ввергает в воспоминания доперестроечного и перестроечного периода. И выясняется, что не все, о ком она сохранила хорошую память, были ее достойны. Они помнили свои прегрешения и, кажется, укорялись ими.

Но самое интересное, что Зоя Михайловна, вызвавшая рассказчицу на встречу, не понимает, для чего это сделала и кто руководил ее поступками.

Зачем же это случилось? Каков итог этих мистификаций?

Впервые рассказ был опубликован под псевдонимном Сотник Л. М.

- Л. Овсянникова
  - Неожиданный звонок
  - Поиск
  - Замула
  - Немного предыстории
  - Коварство совпадений
  - Знакомство
  - Каждый за себя ответит
  - Света
  - Зоя Михайловна
  - Все становится воспоминанием

Л. Овсянникова
Легкое цунами времени

Неожиданный звонок

С особенным чувством я взяла в руки раритет: «Рукоделие», авторы А. Д. Жилкина и В. Ф. Жилкин — недавно обновленный в типографии издательства «Заря». Шитый блок средней толщины при реставрации проверили на сохранность и прочность. Нитки оказались целыми и держали сфальцованные тетради как надо. Все равно для надежности корешок пропитали клеем, затем по всем канонам высшего полиграфического мастерства изделие одели в твердый переплет. На лицевую сторону крышки приклеили снятую мягкую обложку, покрыли лаком. Эта работа явилась данью уважения со стороны коллег, выказанной по причине моего ухода на пенсию.

Так издание 1953 года получило новую жизнь. Как и я, оно вышло из активного употребления и превратилось в экспонат домашнего музея. Дорогой экспонат. Разве могла я знать, что с этой простой вещицы начнется мой трудовой путь и практически с нею же закончится? Это первая книга, подаренная мне мамой — за год до того, как я пошла в школу. По ней я училась шить. Теперь с нею ушла на отдых. Теплая волна смешанных чувств окатила душу. Я едва успела сглотнуть комок в горле.

Книги как люди — когда о них забываешь, покрываются печалью, материализующейся в виде пыли, и их требуется хотя бы просто перебрать, чтобы освежить общий вид, встряхнуть, не дать уйти из них живому духу. Этим я как раз и занималась, когда прозвенел звонок квартирного телефона, который с наступлением эры мобильной связи давал о себе знать все реже, почти не напоминал. Но вот кто-то откопал в своих архивах мой номер… Чудно. Я подбежала к столу и плюхнулась в кресло, стоящее перед монитором компьютера, с приязнью поглядывая на экран, где на рабочем столе красовался майский пейзаж.

— Алло! — выдохнула своим мягким альтом. Слишком альтом и слишком мягким, чтобы не выдавать мой возраст.

Отозвавшийся голос оказался женским, очень смутно знакомым… Из запредельно давних времен. Однако вспомнить его мне не удавалось ни после первой фразы, ни после второй. Женщина назвала меня по имени-отчеству, попросила о встрече, мотивируя тем, что ей это крайне необходимо. От дальнейших объяснений отказалась, причем сбивчиво, что вызывало подозрения.

— Простите, я не узнаю вас по голосу, — сказала я. — Мы знакомы?

— Меня зовут Зоя Михайловна, — напомнила она. — Я

работала в отделе снабжения. Припоминаете?

— Раевская?

— Да-да, это я и есть!

Областная книжная типография, с досадой подумала я. Зачем этот призрак решил меня побеспокоить?

После звонка я напряглась. И конечно, все вспомнила. Ее привела ко мне в отдел кадров Света Устименко, сказала, что это то ли ее родственница, то ли бывшая сослуживица, короче отрекомендовала с хорошей стороны. Сама Света, до недавно занимавшая должность товароведа, перешла работать в приемную, на место ушедшей на пенсию секретарши директора. И теперь в отдел снабжения требовался товаровед, вот она и старалась помочь. Ее протеже прошла необходимые собеседования и мне оставалось только оформить ее приказом. С тех пор эта улыбчивая женщина (невысокого роста, полненькая, крашеная блондинка) иногда заходила ко мне — уточнить данные об отпуске или сдать бюллетень, что бывало редко. Практически я ничего о ней не знала, за исключением официальных анкетных данных — не замужем, детей нет.

Что могло ей понадобиться от меня через столько лет?

Минуло восемнадцать лет с момента моего ухода оттуда. Достаточный срок, чтобы даже имя забыть. Но нет, иногда обо мне вспоминали те, кто искал работу. Просили помочь в этом деле, что-то посоветовать, кому-то порекомендовать. Случалось это все реже и реже. А теперь типография вообще была давно заброшенным объектом, тихо разваливающимся под наблюдением государственной охраны. Перед тем, как завершить эксплуатацию, ее, полагаю, основательно ограбили, оборудование продали, все растащили. Если бы не архив с человеческими судьбами, валяющийся где-то там, то охранять было бы нечего. Какая непредвиденная участь! А ведь было уникальное предприятие, сравнительно молодое, корпуса которого строились в конце 60-х годов прошлого века. Для промышленности это не возраст. Итак, вопрос о работе отпадал сам собой.

Взять второе, чем я могла интересовать людей, — литературу. Но как писателя меня там просто не знали. А хоть бы и знали, так в этом качестве я не могла интересовать рядовых полиграфистов. Зоя Михайловна на книгочея никак не походила.

Ага, есть еще третье — время от времени моим бывшим коллегам требовалось перехватить деньжат. По привычке, сформированной еще тогда, когда я там работала, бежали ко мне. Приходилось помогать, просто так — по старой памяти. Но с тех пор, как я избавилась от книжного магазина и знакомым это стало известно, с этой просьбой обращаться перестали.

Так что вопрос оставался открытым.

Поиск

Встреча была назначена на послезавтра, и за это время не мешало бы приблизительно понять, чего от нее ждать. Ведь не зря звонившая отказалась уточнять что-либо по телефону. Будь это рядовое событие, она не стала бы скрытничать. Перебрав варианты, подсказанные практикой жизни на типографии и общения с ее коллективом, я поняла, что сама нащупать причину не смогу. Явно было одно: у этой женщины случилось что-то такое, в чем помочь ей могу только я. В чем же она видела мою уникальность? Что это могло быть?

Теряться в догадках не имело смысла. Ничего не оставалось, как поискать у общих знакомых то, что было пропущено мною по объективным причинам, — сведения о ее жизни за тот период, когда мы больше не были членами единого общественного организма.

Снова усевшись в любимое кресло, я достала из нижнего ящика стола домашнюю телефонную книгу, которую лет двадцать назад сама сверстала, отпечатала и переплела. Пролистала страницы, испещренные вымаранными строчками. Увы, многие знакомые успели уйти из мира. Ба, — вовсе не многие, а почти все! Директор, главный инженер, главный технолог, главный механик, начальник производственного отдела, председатель профкома, начальник отдела технического контроля, начальники цехов… Даже моя помощница по отделу кадров Валя Гармаш, моложе меня на пять лет… Главный бухгалтер уехала в Сан-Франциско, начальник отдела труда и заработной платы — в Хайфу, начальник планового отдела — в Тель-Авив. Палец скользил по оставшимся строчкам и натыкался на имена, которые я просто не успела вычеркнуть. Никого не осталось из управления, с кем я тесно общалась. Рядовые сотрудники других служб и отделов, разумеется, не в счет — я к ним почти не обращалась, с ними мне ничего решать не приходилось, и я просто не знала, что это были за люди по большому счету. Их реквизитов в моем справочнике не было.

Но вот мелькнула одна фамилия! Будницкий. Да, это заместитель начальника областного управления по печати… Его жена работала у нас в производственном отделе технологом. Истинная женщина, она всегда все знала, просто находка для шпиона. Я засомневалась, звонить или нет? Это были весьма пожилые люди, старше всех вычеркнутых, ветераны Великой Отечественной войны. Все же, после некоторых раздумий я решила звонить, ибо знала не только их сына, работавшего у нас

после окончания полиграфического института, но и невестку. Бывает же такое — с этой девочкой я работала в одном институте еще до прихода в типографию. Ей я помогала с поездкой в Ленинград, где она пыталась поступить в училище, готовящее стюардесс. Не получилось. А потом, уже будучи сотрудником типографии, помогала решить с ЗАГСом вопрос о регистрации ее брака вне очереди. Она обратилась, пришлось подключиться…

Если супругов Будницких нет в живых, то их дети охотно ответят на мой звонок, не удивятся, не обидятся. Я набрала номер, пошли вызовы… сердце забилось сильнее.

Но нет, ответила Раиса Васильевна, причем весьма бодрым и веселым голоском. Значит, все живы!

— С чем вы к нам? — спросила она после взаимных приветствий. Отмалчиваться или выдумывать что-то несуществующее не имело смысла. Мне нечего было скрывать, это очевидно, как и то, что я не знала, что искала.

— Вы помните Раевскую из отдела снабжения?

— Зою? — спросила она и тут же ответила: — Конечно, помню. А что случилось?

Я изложила суть дела, состоящую, собственно, в том, что я не знаю, что случилось, сама именно это и ищу. Но что-то наверняка случилось, потому что она хочет со мной встретиться.

— Не знаю… — выслушав меня, сказала Раиса Васильевна. — Между нами говоря, она была странной женщиной и часто попадала впросак. И как все странные люди, проявляла недоверие и настороженность к тому, чего не знала.

Я вздохнула. Эх, Раиса Васильевна сама не была такой уж простой. Но сейчас удивила меня другим — откровенностью. Это не ее черта. Она любила поводить собеседника за нос, что-то намекнуть, о чем-то умолчать, с чем-то согласиться, о чем-то дать понять. Не говорить конкретных вещей — это было ее кредо, которым она пользовалась в беседах с заказчиками, с сотрудниками, наверное, и с родными. Ясное дело, я приготовилась выспрашивать детали, вытягивать из нее информацию с помощью ряда наводящих вопросов, а тут — нате вам.

— Может, она надумала выйти замуж, — предположила я, — и хочет, чтобы кто-то оценил претендента на роль мужа? У нее есть родня?

— Да, у нее есть старшая сестра. Причем благополучная — замужем, имеет сына. Думаю, посоветоваться относительно замужества у нее есть с кем.

— Значит, что-то другое.

— Да.

— У кого же мне узнать о ней хоть что-нибудь… — в раздумье обронила я.

— Позвоните Свете Устименко, — сказала моя собеседница, и я чуть не хлопнула себя по лбу. Ну как я могла забыть? Только вот у меня не было Светиного номера, и я спросила о нем у Раисы Васильевны. А вдруг даст. — Нет, — сказала она, — я не знаю ее телефона. Зато точно знаю, кто знает, — по голосу я поняла, что она улыбается. Хитрит. Сейчас начнет торговаться. Это было вполне в ее стиле.

— Скажете? — благодушно подыграла я, не представляя, что она потребует взамен.

— А дайте слово, что после встречи с Зоей вы скажете мне, в чем было дело, — она запросила гораздо меньше, чем я ожидала, поэтому я поклялась своим здоровьем, что скажу; и она открыла мне тайну: — Замула.

Мы распрощались тепло и приязненно, я питала к ней искреннее расположение.

Замула

Зачем мне Света, если Дмитрий Иванович Замула от рождения типографии и до закрытия занимал должность заместителя директора по снабжению и сбыту, а Зоя Михайловна была его подчиненной?! Как хороший руководитель (а он был отличным руководителем!) он мог знать о ней все. Вопрос заключался в другом — как долго она там оставалась после моего ухода. Может, через год-другой она тоже уволилась, тогда, конечно, о ее проблемах он ничего не подскажет.

Да, без Светы не обойтись. Вот тут она, знавшая Зою Михайловну задолго до прихода в типографию, и понадобится, если продолжает поддерживать с ней отношения.

Значит, сам Бог велел сначала спросить у Замулы о Раевской, а в случае неудачи — узнать Светин телефон? Нет, чем в этом случае я мотивирую интерес к Раевской, далекому от меня человеку? Лучше поступить наоборот, под благовидным предлогом спросить про Светин телефон. Потом поговорить о том, о сем, а там незаметно и Зоей Михайловной поинтересоваться.

Их со Светой связывало слишком многое. Я могла бы сама догадаться о Замуле, если бы вообще не забыла о нем. Начнем с уже упоминаемого факта, что сначала Света тоже работала товароведом, под началом Дмитрия Ивановича. Потом перешла в приемную и стала секретарем не только директора, но и его заместителя, то есть опять же Дмитрия Ивановича. Кроме того, как и он, она оставалась на типографии до ее закрытия.

Так что ее телефон у него, несомненно, был.

Когда стратегия была составлена и выверена со всех сторон, я вернулась к своей забывчивости и поругала себя за нее. Забывать Дмитрия Ивановича мне было нельзя, ведь именно его хлопотами я попала на типографию, где прошла наиболее содержательная часть моей жизни.

Немного предыстории

— Я вижу, что вы препятствуете защите моей работы. Скажите прямо — это так? — допытывалась я.

Заместитель директора института, где я работала уже с десяток лет, сидел за служебным столом, живописно заваленным бумагами, и листал мою диссертацию. Я же, в новом (назло врагам!) платье, с вызовом сшитом специально к этому разговору, пристроилась на стуле для посетителей, что стоял слева от входной двери. Неделю назад Николай Михайлович, так звали этого чалдона (ибо он был из чалдонов), взял мою работу для изучения и обсуждения без третьих лиц. Как я могла ему отказать? И вот мы ее обсуждали.

— Так, — ответил он.

Его смоляные глаза немигающе уставились в мои, пытаясь прожечь насквозь, но меня это не смущало.

— Почему? Неужели в моей работе нет новизны, нет диссертации?

— Диссертация есть, — сказал он, перебирая страницы холеными пальцами. — У вас хорошая работа, но этого мало…

— Почему? Говорите, не стесняйтесь, — настаивала я, неизвестно что предполагая услышать в ответ. — Вы же сами предложили обсудить этот вопрос наедине.

— Ее еще надо… продвинуть. Ну и защитить.

— Для этого есть общепринятые процедуры, — мой левый глаз невольно прищурился, и я уточнила: — или нет?

— Вы имели дело с Хинтом. Это многое осложняет.

Понятно! Иоганеса Хинта, руководителя моей работы, раскатали люди какого-то Гдляна по явному науськиванию со стороны. Опять политика. Для рядового сотрудника исследовательского института — непробиваемое дело. Попытка преодолеть это препятствие в одиночку означала бы гордыню, смертный грех. Но я слишком хорошо понимала, что библейские заповеди написаны не зря, что для живущих на земле людей они не что иное, как инструкция по технике безопасности. Игнорировать столь серьезные наработки цивилизации мог бы человек глупый или наивный. Слава Богу, во мне не было ни того, ни другого.

Кроме того, диссертация, как и вся научная деятельность, не являлась для меня светом в окне, главным делом дней суровых. Основные жизненные цели я связывала с мужем, его благополучием и карьерой. Просто надо было соответствовать ему, помогать во всем, надо было работать и чего-то добиваться,

вносить посильный вклад в бюджет и дух семьи, самой оставаться на высоком духовном уровне. Вот я и старалась хорошо делать то, за что бралась и что получалось. А получалось всегда неплохо, главное — легко. Диссертация не доставила мне бессонных ночей и чрезмерных усилий ума и воли, не была выстрадана отказом от отдыха и от забот о муже. Она ни от чего и ни от кого не отрывала меня, не вторгалась в личное время. Как ни невероятно это прозвучит, она была для меня игрой, забавой, приятной работой, которая к тому же оставляла меня на одном поприще с мужем, в поле его интересов и неплохо оплачивалась. Приятно было осознавать, что я запросто сделала то, на что многие мужчины тратят силы и нервы нешуточным порядком. Понимая это, я в любой момент могла (ибо готова была) расстаться с этой волынкой и переключиться на что-то другое — благо, жизнь еще таила многое, что привлекало пытливый ум.

Я достала из сумочки лист бумаги, заготовленный заранее — заявление об увольнении, протянула Николаю Михайловичу:

— Тогда подпишите это.

Он пораженно вскинул бровь — не ждал! И долго уговаривал меня заняться другой тематикой, перейти в другой отдел и обещал повышение в должности, в зарплате. Да, он проявлял искренность, ибо ценил меня, я знала это. Но за содействие моей защите, которое еще не гарантировало успеха, намерен был просить неприемлемую цену. Достаточно зрелый человек, я понимала его как мужчину — он ловил шанс. Заодно не хотел терять добросовестного и грамотного работника. Поэтому всячески отговаривал меня от опрометчивого шага, уверяя, что я, как мало кто другой, подготовлена к работе в науке, где так хорошо зарекомендовала себя и надежно утвердилась.

Нельзя сказать, что я ему не верила. Однако всякой игре приходит конец, по всем моим прикидкам выходило, что тут пора опускать занавес, чтобы не ввязаться в нервотрепку и зряшное отравление жизни.

— Сделаем так, — видя, что я уперлась на своем, Николай Михайлович прихлопнул заявление ладонью, продолжил терпеливым тоном: — подождем до понедельника. Впереди два выходных дня. Отдохните, успокойтесь и обдумайте создавшееся положение. А там… посмотрим.

Я кивнула и молча вышла из кабинета.

Коварство совпадений

На улице отгорала весна. Каштаны потеряли умильную детскую вялость, налились соком и загустели, загрубели цветом. Под открытыми небесами дозревали к цветению белые акации и липы. В воздухе предощущался разлив последних сильных ароматов сезона.

Институтский корпус, из которого я вышла, легко вздохнув, отделял от центрального проспекта, очень оживленного, через мост соединяющего левую окраину города с правым центром, небольшой молодой сквер. Стволы деревьев за несколько лет, минувших с момента их высадки, поднялись над землей и разросшимися кронами заслонили от гари, пыли и грохота добрую половину высоты девятиэтажной постройки. Благодаря им в наших кабинетах стояли тишина и прохлада. Со всех сторон сквер был обнесен тротуарами и подъездными дорогами — известное дело, новое здание института строилось на пустыре, и ничто не мешало распланировать прилегающую территорию по всем правилам градостроительства.

Но ведь человек зачастую сам себе враг. Сделает что-то хорошее — и тут же гадит. Не зря историки, изучающие феномен земных цивилизаций, утверждают, что они погибали не от метеоритов, а от воен.

Сейчас на глазах у многих граждан, со злости гадя им за равнодушие, подтверждала правоту вышеприведенного вывода моя знакомая, некогда сотрудница и даже приятельница, — Настя Гуменюк. Она шагала к институтскому крыльцу прямиком через сквер, вминая в землю поросль роскошного газона. Вредная баба так скучала по родным львовским краям, нежарким, задирающим нос от соседства с Европой, что тут ей все претило. Ее глаза неукротимо горели, и, казалось, дай ей волю, она выкачала бы всю эту мягкую зелень полностью, а постройки превратила в руины.

Впрочем, это мне сейчас так подумалось. Остальные же знакомые странность ее взгляда и вообще реакций на действительность приписывали поиску впечатлений, женской алчности, сварливому характеру.

— Привет, — буркнула она и махнула мне рукой, дескать — иди сюда.

В ответ я тоже подняла руку и остановилась, поджидая, пока она выйдет на тротуар.

— Ну вот зачем ты топчешь газон? — сказала я вместо приветствия. — Вроде не понимаешь, как тяжело его взрыхлять

весной и осенью.

— В Европе газоны существуют для человека, и только тут — человек для газонов. Позор.

— Ты хочешь сказать, что там нет садовников, обновляющих в парках травы? Да при их наглой публике, превращающей газоны в тырло, там таких людей еще больше. И вообще, там травянистые ландшафты — часть туристического бизнеса, приносящего доход. А мы завели сквер для красоты и любования.

— Весь мир смеется над тем, что мы не ходим по газонам, — стояла на своем Настя.

— Тебе делать нечего? Зачем ты споришь? — начала заводиться я. — От вредности? Неужели не понятно, что лучше ходить по тротуарам, зато постоянно видеть свежую зеленую травку, дышать свежестью, нежели один раз вытоптать ее и потом любоваться проплешинами и вдыхать с них пыль? Кто тут после тебя станет порядок наводить? Думать же надо! Если ты не понимаешь разницы между нами и Западом, то тебе туда вредно ездить.

— Я и не езжу, — Настя притопнула на тротуаре ногами, стряхивая с обуви прилипшие травинки. — А чего ты злишься?

Если бы она не попалась мне под горячую руку, то не состоялось бы судьбоносного для меня разговора. А так… — проявилось коварство совпадений. Я сдвинула плечом и в двух словах рассказала о разговоре с заместителем директора.

— Я, конечно, поспешила с заявлением. Надо было сначала работу найти, — сокрушалась я. — Но что сделано, то сделано. Зато красиво получилось!

— Значит, ты решила поставить крест на научной работе?

— А что тут делать без ученой степени? — ответила я вопросом на вопрос. — У кандидата наук хотя бы оклад высокий. А так что? Мне командировки вот как надоели, — я провела ребром ладони по горлу. — Старость не за горами. За такие деньги лучше сидеть в какой-нибудь шарашке. Найти бы только такую.

— Не думаю, что тебе это подойдет по всем статьям, но попробовать можно. Ты же член партии?

— Да, — сказала я. — Что дальше?

— Причем имеешь опыт работы в партбюро?

— Ну имею. И что?

— Вчера у нас был заместитель директора Областной книжной типографии, по делам приезжал, и заодно обмолвился, что им нужен инженер по оборудованию. Пойдешь? Я могу порекомендовать.

Не совсем понимая, причем тут партия и мой опыт

организационной работы, я кивнула в ответ.

Знакомство

Кабинет Дмитрия Ивановича располагался напротив приемной директора. Я постучала и сразу же раскрыла дверь, а он, поняв, что пришло спасение, широко заулыбался, словно мы были давними знакомыми.

На месте все оказалось сложнее, чем говорила Настя. Типографии специалисты нужны не были, но в ней сложилась тупиковая ситуация с кадрами (тогда еще не употребляли слово «персонал»), заставившая искать неординарный выход. Его нашли в том, чтобы пригласить на работу образованного человека, эрудированного члена партии, способного к общественной работе, и заменить Замулу Дмитрия Ивановича на посту секретаря партийной организации.

Суть дела: уже четыре года подряд здешние коммунисты избирали его секретарем партийного бюро, причем без освобождения от основных обязанностей. Поручение это было очень ответственным, трудоемким и поглощало времени больше, чем длился рабочий день у рядовых работников. Партийный представитель коллектива наравне с директором был первым его лицом и отвечал за предприятие и его деятельность перед партией в такой же мере, как директор — перед государством. Разница была лишь в том, что директора государство назначало своей волей, присылало сверху, а партийного лидера избирал сам коллектив, выдвигая с низов. Ну и в том, что партия спрашивала за результаты работы чаще и строже, ибо была ближе к народу и обладала более мобильным аппаратом, хотя фактических рычагов для работы не предоставляла. Арсенал партийного лидера состоял из Устава КПСС, и действовать он мог только методами влияния на сознательность членов партии, через понимание ими своего долга — гражданского и профессионального. Конечно, как нигде в других сферах общественной деятельности, тут важен был личный авторитет, вес в коллективе, подаваемый людям пример. Партийный лидер должен был быть образцом во всем, он не имел права на ошибку и слабости.

Неосвобожденным партийным лидерам приходилось вдвойне трудно. Получалось, что при одном окладе и без доплат такой человек исполнял две серьезные функции, уставал за двоих, нес ответственность за двоих и получал взыскания за двоих.

Основная работа Дмитрия Ивановича, требующая частых командировок, от этого неимоверно страдала, а сам он выбивался из сил. Ближайшая перспектива шансов изменить положение не сулила. Почему? Потому что остальные коммунисты, имеющие

ненормированный рабочий день, по разным поводам не привлекались к поручениям неслужебного характера (преклонный возраст, многодетность, удаленность жилья от места работы). А люди из цехов работали по сдельному тарифу, и отвлекать их на общественные дела означало не только срывать план, но и бить по карману.

Рассуждения дилетантов об общественной деятельности в свободное время не выдерживали критики.

Итак, прежде всего я нужна была типографии в качестве опытного партийного работника. Как меня оформить и сколько платить, решал директор.

— Выручайте, — проникновенно завершил ознакомительный рассказ Дмитрий Иванович. — Оклады у нас высокие, работа стабильная, коллектив хороший. А по партийной работе я обязуюсь вам помогать в качестве законно избранного заместителя.

Свое слово он сдержал. Двенадцать лет мы в тандеме занимались партийной работой. Конечно, ее львиная доля лежала на мне, хотя вскоре я тоже обрела штатную должность, правда, менее хлопотную, чем была у Замулы.

В истории этого предприятия я стала партийным лидером с наибольшим стажем этой работы, самым заслуженным. Увы, и самым последним. Печально и почетно — именно я провожала нашу партийную организацию в историю…

А потом грянуло крушение страны, возникли новые царьки, безответственные и безнравственные, и начали играть в игру «охота на красных руководителей»… Трагическая участь прежде других коснулась директора, потом главного бухгалтера. Ну а я оказалась крепче и отделалась потерей должности. При этом горько мне было видеть, как мои друзья и коллеги опускали глаза в стремлении удержаться на своих должностях и предавали меня — никто за меня не заступился перед выскочками, никто не сказал им отрезвляющего слова. Ну ладно, директора предварительно подвели под преступление, и его было за что увольнять. А меня зачем?

Прошло уже почти двадцать лет, а я, как ни оглядываюсь и как ни присматриваюсь к прошлому, остаюсь в уверенности, что приносить кого-либо в жертву изменившимся обстоятельствам не требовалось. Ведь к нам никто не пришел со стороны, в коллективе оставались все те же сотрудники. Это были репрессии ради перестраховки, ради самого их кричащего факта, чтобы продемонстрировать свое соответствие внешним переменам. Это было подлое и ненужное деяние, потому что в новых условиях практически ничего не поменялось, у нас по-прежнему не было

конфликта интересов.

Можно долго анализировать прошлое, но это бесперспективная затея. Жизнь прожита, и ничего в ней не изменить. Скажу одно — предательство мне помнилось, обида не унималась.

Каждый за себя ответит

На звонок ответила жена Дмитрия Ивановича, когда-то узнававшая меня по голосу. Но теперь я представилась и сухо попросила его к телефону.

— Сейчас, — отозвалась она, как будто ждала моего появления и даже знала, чем оно вызвано.

Стало слышно, как там, передавая трубку, произнесли мое имя, дальше что-то зашуршало, стукнуло, шаркнуло пододвигаемой легкой мебелью.

— Я у телефона. Здравствуйте, — слабо произнес Дмитрий Иванович, слишком слабо, чтобы его можно было узнать.

— Это вы? — неосознанно переспросила я с полным сумбуром в голове, с недоумением, почему его голос так изменился. — Как вы поживаете? — я говорила на автомате, ибо поняла: из трубки на меня пахнула неотвратимость, черная дыра преисподней, ввергающая в интуитивное содрогание.

— Нормально, только вот приболел немного, — сказал он, а я уже догадалась, чем он «приболел»; это было как удар; я вспомнила нескольких знакомых, звонивших в свои последние сроки, чтобы услышать людей, сопровождавших их счастливые дни, чтобы в последний раз взбодриться, вдохнуть что-то живое, остающееся после них.

Все, тревожащее меня до этого, отлетело, словно было мелким и смешным. Но нельзя же было выдавать собеседнику охватившее меня смятение — вдруг он не знал своего диагноза.

— Наверное, это не страшно, — сказала я, взяв в себя в руки и придав словам как можно более беспечный тон. — Однако мы так давно не виделись, что я потеряла многие телефоны, — но он не дал мне договорить, словно спешил куда-то; перебил, предвосхищая и вопросы и просьбы.

— Да, Раиса Васильевна звонила, говорила, что вы интересуетесь Зоей Михайловной. — Дмитрий Иванович говорил по-прежнему доброжелательно, только с непривычной усталостью в голосе, с какой-то сиплостью. — К сожалению, о ней я ничего не знаю. Она уволилась с типографии лет за восемь до закрытия. И потерялась из виду. А телефон Светы записывайте, сейчас продиктую.

— Спасибо, пишу, — я записала цифры под его диктовку и принялась откланиваться: — Как жаль, что вы приболели, я…

— Не отключайтесь, — вдруг перебил меня Замула. — Мне надо кое-что сказать вам.

— Да, Дмитрий Иванович, я слушаю.

— Хорошо, что вы позвонили. Я собирался сам это сделать, но вы меня опередили. Вы знаете, что не стало Валентина Николаевича?

Он говорил о нашем председателе профкома, с которым у него было подобие дружбы. Да и я относилась к нему приязненно — долгое время… пока не узнала подробностей его биографии, за которыми мне открылась его истинная роль и в судьбе директора и в моих несчастьях.

— Да, мне сказали.

По тому, что не прозвучало моих сожалений, Дмитрий Иванович понял, что я знаю не только это, но и то, как Валентин Николаевич притворялся другом передо мной и директором и как прислуживался нашим недоброжелателям. Но если он это понял, то сам обо всем знал! Выходит, он знал, какие интриги плелись вокруг нас, и никогда ничем об этом не намекнул. Возможно, тоже пособничал… Мои мысли сбивчиво зазвенели, закружились, скомкались, засовестились — и перед его болезнью отступили. Увы, это легкое цунами времени было бесполезным — уже ничего изменить нельзя, любые разоблачения не имеют смысла.

— Простите меня, если можете, — между тем продолжил Дмитрий Иванович.

— За что? Ну что вы…

— Вы всегда вызывали у меня уважение своей эрудицией и порядочностью, высокой нравственностью и принципиальностью, доброжелательностью к людям. Вам удавалось не лукавить, говорить правду и не наживать врагов. Это редкое качество.

— Представляю, как вам было смешно видеть, что я не разбираюсь в полиграфии и постоянно путаюсь в терминах, выступая на партсобраниях.

— Нет, не было смешно. Вы не долго путались, — успокоил он меня. — Та основательная база знаний, которой обладали вы, позволила вам быстро вникнуть в нашу специфику. Вот это меня поистине восхищало. Да что говорить — вы не только полиграфию освоили, вы стали издателем, главным редактором, писателем. Это впечатляет. Я счастлив, что был с вами знаком.

— Что вы такое говорите… — начала я.

— Не перебивайте, у меня мало времени. Так вот, я хочу сказать, что я не был вашим врагом.

— За что же извиняетесь?

— За то, что не стал настоящим другом. Дети… они тогда еще были подростками, надо было ставить их на ноги. Я не имел права рисковать работой. Поймите меня и простите. Прошу вас.

— Ну что за пустяки, — наконец-то я окончательно пришла в себя. — Нашли чем печалиться. Я сама не стала бы работать с

новым директором. Кто он для меня был? Неуч и ворюга. Я же видела на книжном рынке, как он торговал там ворованными с типографии книгами.

— Каждый за себя ответит. Ответит и он. А меня простите. Мне это очень надо.

— Прощу, — засмеялась я, — если вы приедете к нам в Крым на отдых, хоть на пару недель. Мы послезавтра уезжаем туда на все лето.

— Спасибо. Мне сначала надо немного окрепнуть.

— Окрепнете. Я уверенна. Так что звоните и приезжайте, — до чего удивительной бывает сила убеждения — я говорила больному человеку подбадривающие слова и сама в них верила! Я готова была подставить ему плечо, выхаживать его. Он был последним из моих типографских сотрудников, кто оставался на земле.

Дмитрий Иванович поблагодарил меня и попрощался.

Света

Свете я позвонила не сразу, сначала побродила по квартире. Потом мне показалось этого мало, и я вышла на прогулку в сквер. Основательно проветрив душу, успокоившись, все же продолжила поиски.

После моего ухода из типографии там многое изменилось. Мое место пустовало не долго. Скоро издательский отдел ликвидировали, потому что новый директор учредил свою издательско-полиграфическую фирму и пустил поток заказов через нее. Обескровленная клиентами, типография начала простаивать без работы, люди — увольняться. В прежнем режиме работал только переплетный цех, где стояли уникальные машины для шитья книжных блоков. Новая технология, получившая повсеместное распространение, при которой блоки не шились, а склеивались, не пользовалась популярностью.

По каким-то причинам Свете, номер которой я набирала на диске, тоже пришлось претерпеть перемены, уйти из приемной. Она закрепилась там, где я начинала свою деятельность — в отделе кадров. Помню, в ту пору она звонила мне несколько раз, просила консультаций, а я никак не могла понять, с чем это связано. Мне казалось, что она в отделе кадров находится временно — заменяет заболевшего человека.

Но вот я дозвонилась и услышала ее бодрый, даже подозрительно веселый голос. Ради вежливости поговорив о пустяках, я спросила о Зое Михайловне.

— Зоя была моей соседкой, — наконец-то открыла она правду о своей к ней причастности. — Но лет пять назад продала жилье и куда-то уехала.

— В связи с чем возникло такое решение?

— Понадобились деньги. У нее же была двухкомнатная квартира. А переехала она в однокомнатную.

— И больше не появлялась, не звонила?

— Нет. Да что с ней может случиться!? — отмела Света мою озабоченность. — Все будет хорошо.

— А почему ты в рабочее время дома? — поинтересовалась я, обнаружив, что вполне законно могла бы к ней дозваниваться и дольше. — Ты работаешь?

— Нет, я отдыхаю.

— А чем занимаешься в свободное время?

— Как чем? Это даже смешно. Собой, конечно! Кстати, запишите мой мобильный номер.

Зоя Михайловна

На встречу Зоя Михайловна пришла вовремя и я ее заметила издалека. Может, и она меня заметила, но не сразу узнала. Не удивительно. Она помнила меня худощавой, стройной и высокой тростинкой, с копной волос, заколотой в высокую прическу. А теперь я являла полную противоположность тому облику.

Зато Зоя Михайловна, хоть и была немногим старше меня, совсем не изменилась. Казалось, даже стала моложе и красивее, о чем я тут же и сказала ей.

— Ой, спасибо, — она знакомо прикусила нижнюю губу, растрогав меня — так мило мне было прикосновение к прошлому.

Мы шли по площади, напротив окон моей квартиры, и я знала, что мой муж наблюдает за нами. Волнуется, ведь выявить причину этого неожиданного свидания нам так и не удалось.

Но вот я увидела, что он вышел из ворот дома, пересек трамвайные пути, направился в сквер, стараясь оставаться незамеченным моей знакомой. Остановился, поднял голову — наблюдает за белкой. Ладно.

Наш разговор не клеился. Наконец, я решила не тянуть кота за хвост.

— Вы чудом застали меня дома, — сказала я. — Сегодня мы должны были ехать на отдых. Задержались ради вас. Для чего я вам понадобилась?

— Не могу сказать. Просто так.

Я опешила.

— Как это «просто так»? Совсем без причины? Вы, конечно, шутите.

— Ну как вам сказать… Сначала мне приснился сон, о вас, — уточнила она. — Какой-то приятный, даже просыпаться не хотелось. А потом я подумала, что хорошо бы вас увидеть. Взяла и позвонила.

На следующий день мы уехали в Крым.

Все становится воспоминанием

Домой мы вернулись только в октябре. Через некоторое время, точную дату не помню, позвонила Света.

— Где вы ходите?! — воскликнула она, точно мы все еще сидели в кабинетах, находящихся рядом на нашем четвертом этаже. — Я вам весь день звонила.

— Странно, но я не слышала, — удивилась я. — Я все время дома, правда, вожусь на кухне. Что случилось?

— Умер Дмитрий Иванович. Я хотела позвать вас на похороны.

— Представляешь? — сказала я. — Словно кто-то отводит меня от этого, я никого из наших сотрудников не провожала в последний путь…

— Да, я заметила. И даже знаю, что по объективным причинам. Но не печальтесь, вам просто везет, — Света хихикнула, и у меня отлегло от души

— Позванивай, — сказала я. — Не забывай.

Она обещала.

* * *

Все становится воспоминанием. Стали воспоминанием и эти события. Только одного я так и не поняла — кто надоумил Зою Михайловну позвонить мне. Ведь этим звонком она положила начало цепи событий, в итоге приведших к нашей с Замулой беседе. Фактически она способствовала тому, чтобы предоставить ему возможность попросить у меня прощения, а мне — с легкой душой проститься с ним.